

Позже Линь Юэюэ озаглавила этот день в своем личном приложении: «Мой любимый пейринг и я вместе выполнили мой список мечты». Название получилось длинным, совсем не похожим на заголовок, но она говорила, что ей жалко удалять хоть единое слово. Первый абзац основного текста гласил: «Если бы мне сказали, что однажды мы с Чжу Чжисинем будем сидеть плечом к плечу на крыше и смотреть на звезды, и он лично разоблачит меня в том, что я украдкой смотрю на него; что я буду запускать с ним фейерверки у моря, и в тот момент, когда искры отражались в его глазах, он как раз смотрел на меня; что я затащу его на карусель, а он, несмотря на боязнь высоты, все равно прокатится со мной от начала и до конца — я бы сказала, что это трио ударов встречается только в фанфиках. Но это не так. Это по-настоящему. Это реальнее всякой реальности».

В конце абзаца она нарисовала сердечко, на этот раз не закрашенное черным квадратом.

Пункт первый: эксклюзивное прозвище.

Это случилось на следующий день после инцидента с домом с привидениями. Во время перерыва в репетициях Линь Юэюэ прислонилась к зеркалу в репетиционном зале и пила воду, пока Чжу Чжисин сидел рядом и листал ленту в телефоне. Допив воду и плотно закрутив крышку, она вдруг подала голос:

— Чжучжу-ся.

Голос был тихим, но достаточно четким. Пальцы Чжу Чжисиня замерли на экране. Он поднял голову, и в его выражении смешались недоумение и настороженность:

— Ты как меня назвала?

— Чжучжу-ся, — повторила Линь Юэюэ, стараясь придать голосу максимально естественный тон. Это имя она обдумывала целый вечер — оно объединяло «Чжу» из имени «Чжу Чжисин» и «ся» из «Человека-паука» (по-китайски Спайдермен — *Чжучжуся*), потому что ей казалось: то, как Чжу Чжисин защищал ее в доме с привидениями, было похоже на тех людей, которые обычно затеряны в толпе, но в критический момент молча прилетают, чтобы заслонить тебя от опасности. К тому же слоги «Чжучжу», произнесенные подряд, легко слетали с языка и несли в себе легкий оттенок неосознанного кокетства, что как раз идеально сглаживало врожденную глуховатую бархатность в голосе Су Синьхао.

— Какая пошлость, — бесстрастно произнес Чжу Чжисин.

Линь Юэюэ заранее предвидела такую реакцию. Она пожала плечами, продолжая пить воду, и притворилась, будто бросила прозвище просто так. Но про себя она мысленно отсчитывала: раз, два, три — Чжу Чжисин непременно...

— Чего тебе?

Он и впрямь отозвался. На словах — «какая пошлость», но всё равно откликнулся. Линь Юэюэ едва удержала уголки губ от улыбки, с трудом сглотнув воду, чтобы не рассмеяться в голос.

— Да ничего, просто окликнула, проверить, отзовешься ли.

Чжу Чжисин снова опустил взгляд в телефон, и свет экрана отразился на его ничего не выражающем лице. Но Линь Юэюэ заметила: разблокировав телефон, его пальцы несколько раз провели по экрану в одном и том же направлении — раза три или четыре подряд, словно он забыл, какое именно приложение собирался открыть. Она запечатлела эту деталь в памяти,

решив вечером записать ее в личный дневник. И даже название уже придумало — «Реакция Чжучжу-ся на первое обращение: на словах говорит — пошлость, а пальцами забыл, что делает».

Затем она окликнула его снова:

— Чжучжу-ся, под какой танец репетируем днем?

— Четвертый комплект базы данных по свободным танцам, — последовал мгновенный ответ от Чжу Чжисиня. Тон по-прежнему оставался в духе «я жутко недоволен, но все равно тебе отвечу».

Линь Юэюэ мысленно поставила галочку и напротив этой реакции. Она заметила у Чжу Чжисиня устоявшуюся схему поведения на ее прозвище: первый этап — неприязнь, попытка отмахнуться фразами вроде «какая пошлость», «хватит звать» или «тебе сколько лет»; второй этап — ответ, и как бы он ни ворчал на словах, тело неизменно реагировало быстрее, чем она ожидала; третий этап — его она еще не сформулировала, поскольку назвала его так впервые сегодня и выборка пока слишком мала. Но у нее было предчувствие: если дело пойдет такими темпами, рано или поздно она привыкнет называть его так, а он — отзываться.

Тем же вечером в WeChat Су Синьхао раздался аккуратный звуковой сигнал.

[Линь Юэюэ: Слышала, ты сегодня придумал для Чжу Чжисиня прозвище.]

[Су Синьхао: Почему ты всегда все знаешь?]

[Линь Юэюэ: Чжу Чжисин мне рассказал.]

[Су Синьхао: С чего это он тебе все рассказывает? Вы в последнее время не слишком часто болтаете?]

[Линь Юэюэ: Ты что, ревнуешь?]

[Су Синьхао: Я просто контролирую риски. Он мой сокомандник, а ты пользуешься моим телом. Если между вами возникнут какие-то неконтролируемые взаимодействия, мне нужно заранее разработать план действий.]

[Линь Юэюэ: Ты используешь фразу неконтролируемые взаимодействия, чтобы описать прозвище?]

[Су Синьхао: ...И какое же прозвище ты ему дала?]

[Линь Юэюэ: Чжучжу-ся.]

[Су Синьхао: Какая пошлость.]

[Линь Юэюэ: Он сказал мне ровно то же самое.]

[Су Синьхао: И что, откликнулся?]

[Линь Юэюэ: Откликнулся.]

[Су Синьхао: Значит, это не пошлость. Это пошлость, но рабочая.]

[Линь Юэюэ: Ты что, ревнуешь?]

[Су Синьхао: Я просто контролирую риски. Он мой сокомандник, а ты пользуешься моим телом. Если между вами возникнут какие-то неконтролируемые взаимодействия, мне нужно...]

[Линь Юэюэ: Не мог бы ты перестать парировать моими же цитатами?]

[Су Синьхао: Не мог. Это называется отражать копье противника его же древком. Ты сам меня научил.]

Пункт второй: любованье звездами на крыше.

Это произошло тем же вечером.

После окончания работы Линь Юэюэ уже собиралась направиться в общежитие, когда Чжу Чжисин окликнул ее в коридоре. Он переоделся в черный спортивный костюм, вымыл голову, и волосы, оставшиеся без укладки, прядями мягко падали на брови, из-за чего он казался гораздо более мягким, чем на сцене, где каждая его волосинка выглядела тщательно выверенной.

— Погода сегодня хорошая, не хочешь подняться на крышу? — предложил он.

На верхнем этаже здания компании располагалась терраса, куда люди поднимались крайне редко. Линь Юэюэ послушно последовала за ним вверх по шести пролетам лестницы и толкнула слегка проржавевшую железную дверь. Навстречу ей пахнуло ночным ветром, несущим прохладное дыхание ранней осени. Крыша оказалась небольшой, ее пол был выложен серой гидроизоляционной плиткой, а в углу громоздились несколько отслуживших свое световых штативов и старый задник. Зато открывался великолепный вид: городской горизонт простирался прямо перед глазами, и мириады огней напоминали рассыпанную горсть бриллиантовой крошки, а над головой раскинулся темно-синий купол неба с тонкой дымкой облаков, причем звезды сияли ярче обычного.

Чжу Чжисин подошел к низкому парапету по краю крыши, оперся на него руками и запрокинул голову к небу. Ночной ветерок растрепал пряди на его лбу, обнажив линию бровей и изгиб лба.

— Когда я был маленьким дома, летом часто было видно Млечный Путь, — заговорил он чуть медленнее, чем обычно, словно погружаясь в воспоминания. — А когда перебрался в Пекин, световое загрязнение оказалось слишком сильным, так что увидеть столько звезд удастся редко. Сегодняшняя ночь — самая ясная за последнее время.

Линь Юэюэ встала рядом с ним и тоже уставилась в звездное небо. Только выискивала она вовсе не созвездия. Она всматривалась в глаза Чжу Чжисиня. Свет звезд отражался в его зрачках, словно кто-то горстями бросил мелкое серебро на гладь темно-карего озера. При каждом его моргании эти серебристые искры едва заметно трепетали, напоминая рябь на воде. Раньше ей доводилось читать пост в фан-группе: «Что можно увидеть, заглянув кому-то в глаза? Если этот кто-то — Чжу Чжисин, вы увидите целый Млечный Путь». Тогда она подумала, что фраза звучит чересчур слащаво, и даже в фанфиках такое писать совестно. Теперь же, стоя на крыше под дуновением ночного ветра, она поняла, что реальность куда бесцеремоннее любых фанфиков: в его глазах она видела не просто сияние звезд, а то самое чистое, незащищенное свечение, которое отбрасывало небесное крошево на самое дно его взглядов.

— На что ты смотришь? — неожиданно подал голос Чжу Чжисин.

Линь Юэюэ испуганно вздрогнула и живо перевела взгляд на небо:

— На звезды.

— Ты смотришь на меня, а не на звезды, — произнес он.

Его тон не содержал ни допроса, ни насмешки — это было просто спокойное, утвердительное констатирование факта. Так же естественно, как сказать: сегодня хорошая погода.

В этот момент мозг Линь Юэюэ лихорадочно просчитывал несколько вариантов ответа.

Вариант А: отрицание — «Я и вправду смотрю на звезды». Но она пялилась на его глаза по меньшей мере секунд пять, и отрицать было бы слишком глупо. Вариант Б: смена темы — «А что это за звезда вон там?» Но она понятия не имела, что это за звезда, и попадись он в ловушку, ответив на вопрос, ей стало бы еще неловче. Вариант В: признание — «Да, я смотрю на звезды в твоих глазах». Но эта реплика звучала точь-в-точь как цитата из фанфикова, произнеси она ее — и можно сгорать со стыда на месте. В конце концов она остановилась на варианте Д: промолчала секунды две, а затем парировала встречным вопросом:

— А на что смотришь ты?

Чжу Чжисин повернул голову и встретился с ней взглядом. В ту же секунду ночной ветерок внезапно стих, и на крыше стало так тихо, что отчетливо слышался глухой гул автомобильного потока с далекой улицы.

— На кое-кого, кто любит звезды из рук вон невнимательно, — ответил он.

Линь Юэюэ показалось, будто кто-то легонько тронул ее сердце самым мягким молоточком — боли не было, но дрожь прокатилась от груди до самых кончиков пальцев. Она опустила голову, спрятав пол-лица в воротнике. В воротнике Су Синьхао, застегнутом под самую молнию, которая позволяла скрыть взлетевшие кверху уголки губ. Оба какое-то время молчали. Однако Линь Юэюэ подметила: когда они вновь подняли головы к звездам, между его рукой и ее рукой оставалось расстояние меньше кулака. Она не отступила, да и он не сдвинулся с места.

Пункт третий: морской фейерверк.

Это случилось вечером следующего дня. Компания организовала выездную фотосессию на побережье для продвижения нового альбома. Место съемок располагалось на диком пляже в самой восточной части города: песок там был не слишком мягким и шелковистым, усеянным грубой галькой и осколками ракушек, а вода не сияла лазурью, как в рекламных роликах, а переливалась серо-зелеными оттенками соленого от прибоя тягучего прилива. Но когда солнце зашло за горизонт, всю гладь моря окрасило в цвета розового золота, и эта картина исцелила усталость абсолютно каждого.

По завершении съемок сотрудники принялись собирать аппаратуру. Чжу Чжисин откопал в ящике с реквизитом пачку ручных бенгальских огней — остатки с недавнего кадра. Он подошел к Линь Юэюэ и протянул ей две штуки.

— Когда был маленьким, больше всего на свете любил зажигать их на Новый год, — сказал он, вытаскивая из кармана зажигалку. — После съемок еще несколько осталось, грех не спалить.

Они уселись на относительно ровном рифе прямо на песке. Чжу Чжисин чиркнул зажигалкой, поджигая бенгальский огонь у нее в руке, и фитиль с шипением заискрился, рассыпая вокруг фонтанчики золотых брызг, разорвавших темноту мелкими искрами. Линь Юэюэ зажала бенгальский огонь в пальцах, выписывая в воздухе круги — золотые следы на миг замирали в пространстве, а затем таяли. Она нарисовала сердце. Лишь закончив, она сообразила, что именно вывела, и поспешно зачеркнула фигуру неровными линиями. После чего задрала руку повыше, делая вид, будто изучает температуру горения искр.

Огонь потрескивал, то затухая, то вспыхивая ярче, и оранжево-золотые отсветы ложились на лицо Чжу Чжисиня, покрывая его черты мягким ореолом тепла. Уголки его губ слегка приподнялись, а глаза изогнулись в тот самый изгиб, который она уже успела подсмотреть раньше — ту самую настоящую, не имеющую никакого отношения к работе улыбку, вызванную чем-то по-настоящему трогательным. Внезапно она вспомнила сцену с фейерверком у моря из своего списка «50 вещей, которые я больше всего хочу сделать с любимым пейрингом», номер четырнадцать. Ее тогдашняя формулировка звучала так: «Зажечь маленькие бенгальские огни на ночном пляже и глядеть друг другу в лица сквозь искры». Составляя эти строчки, она представляла Су Синьхао и Чжу Чжисиня. Ей и в голову не приходило, что однажды она сама займет место Су Синьхао и станет половиной этой картинки.

Чжу Чжисин повернул голову и встретился взглядом с ее застывшим лицом. Бенгальский огонь в его руке трещал и догорал, золотые капли струились водопадом сквозь его пальцы. В отблесках пламени его глаза стали светло-янтарными, чуть темнее и теплее, чем закатное розовое золото мгновение назад. Он смотрел на нее точно так же, как в тот вечер на крыше, когда она тайком разглядывала его звезды — тихо, сосредоточенно, словно занимаясь делом не то чтобы архиважным, но на которое он готов потратить время.

— Зачем ты зачеркнула то сердце, что только что нарисовала? — спросил он. Это был не вопрос, а констатация.

Палочка в руке Линь Юэюэ как раз догорела, и последняя искра упала на риф, мгновенно погасимая морским бризом. Сделав вид, что расслышала сквозь шум волн лишь половину, она вонзила тлеющую проволоку в песок, отряхнула ладони и подняла голову, намереваясь сменить тему. И тут обнаружила, что Чжу Чжисин все еще смотрит на нее.

Огонек на почти сгоревшей палочке в его руке дважды дернулся и окончательно угас. Побережье снова погрузилось в сумеречную полутьму, и лишь отдаленные уличные фонари да редкие звезды на небе давали слабый свет. Но его глаза по-прежнему сияли. Не потому, что их освещал огонь бенгальского огня — они сами источали свет.

— То, что происходило только что, — заговорила Линь Юэюэ пересохшим голосом, — было слаще любого фанфика.

Чжу Чжисин не стал уточнять: «Какого еще фанфика?» Он просто сложил догоревшие прутики в мусорный пакет, который носил с собой, поднялся на ноги и протянул ей руку.

— Пойдем, — бросил он. — Вода прибывает.

Линь Юэюэ вложила свою ладонь в его руку и рывком поднялась. Его ладонь была сухой, горячее, с едва уловимым запахом серы, оставшимся от сгоревших бенгальских огней. Он продержал ее руку в своей примерно на секунду дольше, чем требовалось для опоры. Мысленно она отсчитала: раз, два — и он отпустил.

Пункт четвертый: карусель.

Это происходило на обратном пути тем же вечером.

Микроавтобус проезжал мимо парка развлечений, и Линь Юэюэ заметила в окне светящуюся разноцветными огнями карусель. Не роскошную версию из какого-нибудь крупного тематического парка, а скромный аттракцион в обычном жилом квартале: у карусели был всего один ярус, краска успела облупиться, а несколько лампочек перегорели, но то, как одиноко она кружилась в темноте, тронуло ее сильнее любого помпезного аттракциона. Она вспомнила пятнадцатый пункт списка — «Затащить его на карусель и сфотографировать на самой верхушке с глуповатым выражением лица».

— Остановите, — попросила она.

Голос прозвучал негромко, но его услышал весь салон. Ли-цзе обернулась с пассажирского сиденья, а Чжу Чжисин скосил на нее взгляд.

— В чем дело? — поинтересовалась Ли-цзе.

— Хочу прокатиться вон на том, — Линь Юэюэ указала пальцем на карусель за окном. Она прекрасно понимала, что ее нынешняя прихоть мало подходит айдолу популярной мужской группы — востребованному исполнителю, который посреди ночи после тяжелой смены вдруг требует высадить его ради ветхой детской карусели в спальном районе. Но сегодня она уже выполнила два пункта из списка, оставался последний, и если упустить шанс сегодня, ей казалось, второго раза может просто не представиться.

Лицо Ли-цзе отразило сложную гамму чувств, напоминая мать, столкнувшуюся с капризным ребенком: отказать хотелось безумно, но было жалко.

— Ваши съемки и так затянулись, завтра снова полно дел...

— Всего на десять минут, — парировала Линь Юэюэ, и в ее тоне прозвучала капелька неосознанной мольбы.

Она тут же сообразила, что выбрала неверную интонацию — Су Синьхао никогда не стал бы так разговаривать. Но прежде чем она успела попытаться исправить оплошность, подал голос Чжу Чжисин:

— Я тоже пойду.

Ли-цзе перевела взгляд с него на нее, тяжело вздохнула и велела водителю прижаться к обочине.

— Десять минут. Опоздаете — добираетесь на такси за свой счет.

Парк аттракционов уже закрывался, и дедушка-кассир как раз сворачивал лавочку. Линь Юэюэ подбежала к кассе и купила два билета. Чжу Чжисин стоял у нее за спиной и машинально откинул с ее лица — точнее, с лица Су Синьхао — растрепанные ветром пряди. Движение вышло до того естественным, будто репетировалось бесчисленное число раз.

На карусели они оказались единственными пассажирами. Линь Юэюэ выбрала белого деревянного конька, а Чжу Чжисин устроился на черном по соседству. Заиграла музыка — старая, с хрипотцей старой шкатулки мелодия «К Элизе», фальшивившая в такт вращению карусели.

Платформа пришла в движение, огоньки гирлянд замигали в темноте, отбрасывая их тени на вращающийся помост, удлинняя и укорочая их фигуры. Линь Юэюэ вскинула телефон, чтобы сделать снимок Чжу Чжисиня. Тот слегка нахмурился в объектив, и в выражении его лица смешались смирение и готовность подыграть, однако уголки губ предательски выдавали его.

— Твое выражение лица сейчас так и кричит: «Я ужасно недоволен, но подчиняюсь», — поддразнила она.

— Фотографируй молча, без звукового сопровождения.

— Еще кадр, улыбнись.

— Я улыбаюсь.

— Разве это улыбка? Это называется легким приподнятием уголков губ.

Чжу Чжисин с обреченным вздохом скривил губы, продемонстрировав настоящую улыбку, с обнаженными зубами. Линь Юэюэ нажала на затвор. Фотография зафиксировала момент: разноцветные огни карусели размылись за его спиной в яркие пятна, его волосы слегка растрепал ночной ветер, а улыбка была лишена стандартного сценического лоска — она кривоватая, несовершенная, самая искренняя, вызванная неподдельным весельем. Глядя на этот снимок, она подумала, что пятнадцатый пункт списка наконец-то можно вычеркнуть. И вычеркнуть не в графе «выполнено скрепя сердце», а «превзошедшее все ожидания».

Опустив глаза и листая фотографии, она вдруг заметила, что Чжу Чжисин вцепляется мертвой хваткой в металлический поручень карусели. Костяшки его пальцев побелели от напряжения — это была не легкая опора, а судорожный захват.

— Ты боишься высоты? — спросила она.

— Я не высоты боюсь, — ответил Чжу Чжисин, глядя прямо перед собой и сохраняя ровный тон. — Мне просто не нравится ощущение, когда ноги отрываются от земли.

Хотя карусель не поднималась высоко, сами лошадки совершали колебательные движения вверх-вниз, и в наивысшей точке расстояние до земли достигало почти двух метров. Для человека, который не выносит потерю опоры под ногами, подобная высота вполне могла вызвать дискомфорт. Линь Юэюэ замерла. Все это время она была занята съемкой и совершенно не обратила внимания на его руки. А ведь он мог отказаться. Мог запросто заявить «у меня боязнь высоты» и не садиться. Но он не стал. Он послушно купил билет, взобрался на лошадку и кружился под разноцветными лампочками столько кругов, не издав ни единой жалобы.

— Почему ты сразу ничего не сказал? — ее голос прозвучал с ноткой тревоги.

— Потому что тебе хотелось покататься, — бросил Чжу Чжисин. Четыре слова, сказанных так небрежно.

Словно между ними существовала самая простая причинно-следственная связь, не требующая объяснений: ей хотелось покататься, поэтому он сел.

В тот самый миг, когда карусель достигла верхней точки подъема, Линь Юэюэ больше не делала снимков. Она протянула руку и бережно, едва касаясь, положила пальцы поверх кисти Чжу Чжисиня, вцепившейся в металлическую ручку. Его пальцы поразительно холодели,

насквозь промерзнув под порывами осеннего ночного ветра. Прикоснувшись к его руке, она почувствовала, как он легонько напрягся, а затем его ладонь перевернулась и крепко сжала ее пальцы в ответ. Это было не переплетение пальцев, а жест, полностью накрывающий ее ладонь в его собственной руке, где его ладонь прижималась к тыльной стороне ее ладони, а большой палец лежал на суставах. Надежнее и крепче, чем простое держание за руки.

— Скоро конец, — тихо произнесла она, словно успокаивая испуганного грозой ребенка.

— Я знаю.

Его рука не разжалась.

Карусель совершила последний круг, музыка умолкла, огоньки мигнули еще пару раз и погасли окончательно. Они сошли с аттракциона, а дедушка-кассир, уже собравшийся запереть кассу, на прощание приветливо помахал им рукой. Когда они вернулись в машину, Ли-цзе бросила взгляд на часы:

— Восемь с половиной минут, считайте, уложились в норму.

Она не стала расспрашивать, что между ними произошло на карусели. Но в зеркале заднего вида она заметила, что Чжу Чжисин откинулся на спинку сиденья с закрытыми глазами, а на его губах играла едва заметная улыбка. И увидела, как «Су Синьхао» опустил голову и смотрит на собственные ладони, так, будто держит в них нечто хрупкое, но бесконечно дорогое, с чем невозможно расстаться.

Этой же ночью Линь Юэюэ переслала ту фотографию с карусели Чжу Чжисину. Он сохранил ее, но не уточнил, собирается ли как-то использовать. Спустя несколько дней Чжан Цзи случайно заглянул в телефон Чжу Чжисиня во время перерыва в репетициях — в качестве обоев экрана блокировки стоял именно тот дурацкий снимок с карусели. Чжан Цзи взвизгнул благим матом:

— Чжу Чжисин, какого черта у тебя на заставке стоит уродская фотка Су Синьхао?!

Чжу Чжисин с каменным лицом перевернул экран вниз и процедил:

— Боюсь, он заставит меня поменять ее под угрозой ножа.

Слушая это краем уха, Линь Юэюэ вспоминала брошенную ему тогда на карусели фразу «улыбнись», его побелевшие от напряжения на поручне костяшки пальцев и тепло его ладони, накрывшей ее руку в ответ.

Он по-своему соблюдал договор — тот неравноправный договор, где не было прописано ни единого пункта, но каждое слово было высечено его именем.

<http://bllate.org/book/20903/2113187>